

## **ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ ЧЕШСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

*Фердинанда Пеликана*

Чешская научная философская литература — если отнести к ней также и написанные в начале XIX столетия на немецком языке труды — насчитывает всего 100 лет существования. Предшествующая философская традиция, идущая от эпохи Возрождения и Гуманизма (в XIV и XV вв.), с одной стороны, и от религиозного мышления «Моравских братьев» (в XVII в.), с другой, была с потерей политической независимости совершенно прервана. Чехи потеряли самостоятельное государство — это, по слову Петра Хельчицкого, «дьявольское учреждение» — и поколению Проповедания XVIII века стоило много труда по крайней мере вновь пробудить к жизни народный язык, почти что совсем уже к этому времени вымерший. Этим и объясняется сравнительная молодость чешской философии, а также то обстоятельство, что в этой верховой области человеческой мысли чехи не могли до сих пор выдвинуть таких крупных индивидуальностей, каких мы находим в Германии, Франции или Англии.

Если бросить взгляд на философию Чехии — о ней только из всей Чехословакии и может итти речь в настоящем обзоре — за последние 40 лет (т. е. за время самостоятельного существования чешского университета), то мы увидим, что наряду с *Гербартовой школой*, которая в начале была как бы официальной австрийской философией (Иосиф Дурдик, Петр Дурдик, Дастих, Густав Заба и др.) и которая много содействовала ознакомлению нас с Кантовой философией, в течение последних 20-ти лет у нас выкристаллизовываются два резко различающихся между собою направления: *интуитивизм*, возобновляющий собственно метафизическую традицию в философии, и *позитивизм*, выступающий в форме догматической доктрины. Хотя борьба между обоими течениями не закончилась еще и поныне, мы можем воспользоваться этим спором в целях классификации для облегчения читателю возможности ориентироваться в чешской философии.

В центре ее бесспорно стоит фигура президента *T. Масарика*, наи-

более выдающегося философа современной Чехии. Философия его, вполне практическая по своему замыслу и теснейшим образом связанная с его политической деятельностью, носит почти пророческий характер. В его сложном, духовном облике религиозный вопрос занимает первое место. Над разрешением его — как практическим, так и теоретическим — он неустанно и с редкой искренностью работает. Его последний философский труд, получивший широкую известность и в Германии, «Россия и Европа», также носит на себе сильный религиозный отпечаток. Для нас Масарик со своим гуманизмом является типичным и наиболее ярким представителем чешского религиозного мышления, продолжающим традицию «моравских братьев» XVII века. Поэтому также то обстоятельство, что в своем философском развитии он радикально изменил свое отношение к Кантовой философии, перейдя от полного отрицания ее (в «Конкретной логике» 1886) к величайшему ее признанию (в «Россия и Европа»), имеет второстепенное значение. Стремление его разрешить религиозный вопрос, «сосредоточить функции человеческой души в высшей и доминирующей силе» остается и здесь все тем же. Теория у него всегда остается подчиненной практике.

Наряду с Масарикиом большое влияние имел в нашей философии *Франц Мареш* (профессор медицинского факультета), выступавший как представитель естествознания и нередко как явный противник Масарика. Его первый труд, появившийся 20 лет тому назад, «Идеализм и реализм в естествознании» вызвал оживленные споры по вопросу о Кантовой гносеологии, в чем и заключалось его большое историческое значение. Его последние труды («Истина о действительности», 1919, и «Истина в чувстве», 1922), не внося ничего нового в основной вопрос о невозможности натурализма и его методах в естествознании, распространяют его теорию норм на область этики и эстетики.

Среди многочисленных учеников Масарика, объединившихся в одну общую «реалистическую партию», на первом месте следует назвать проф. *Франца Крейчи*, работы которого лежат главным образом в области психологии (им издана большая, в 5-ти частях, «Психология»). В 1922 г. появилась его большая «Позитивная этика». Задачу свою Крейчи видит в том, чтобы построить этику на чисто позитивной основе и вывести правила ее и нормы из науки. По сравнению с чисто скептической философией академического характера *Франца Чады* (ученик Дурдика, приобретший известность как своей плодотворной академической деятельностью, так и своими сочинениями), философия Крейчи согрета теплым чувством и убежденностью — качества, приведшие его и на политическую арену. Даже его материалистическая точка зрения — хотя он теоретически и защищает т. наз. «психологию без души» — производит вместе с его этикой импонирующее впечатление своим атеизмом, носящим ярко выраженный религиозный характер. Также и только что умерший проф. *Франц Дртина*, написавший основательное и в этом роде единственное у нас «Введение

в философию» (I том: Древность и Средние века) и в течение последних десяти лет издававший вместе с Крейчи и Чадой философский журнал «*Česká Mysl*», принадлежит к ученикам Масарика.

Другой ученик Масарика Эмиль Радль, большой труд которого (на немецком и чешском яз.) «История теорий развития в биологии» приобрел известность и в Германии, выступает в последнее время почти исключительно с работами политического характера, о чем свидетельствует заглавие его последней публикации «Религия и политика» (1921). Во время войны он написал книгу «Романтическая наука» (1918), в которой он возводит к Канту романтическое философствование в естествознании.

Из более молодого поколения философов на первом месте следует назвать проф. Карла Воровку, который начал работой о споре логицизма и психологизма, сыгравшем такую большую роль в иностранной философии («Замечания об интуиции в математике» 1917), для того чтобы через 4 года опубликовать свое законченное философское credo, высказанное им с страстью силой убеждения и подкупающее своей необычайной искренностью («Скепсис и гноэзис»). Опираясь на учения Ренувье, Фехнера и Бергсона, а также неоплатонизма, Воровка пытается построить своеобразную филосовскую религию в духе преобразованного теизма. Уже заглавие упомянутого труда свидетельствует о двойкой тенденции его философствования: 1) преодолеть скепсис и тем самым устраниТЬ общее недоверие к самой философии; 2) обосновать долг выбора собственной философской и моральной доктрины, чтобы избежать как философской, так и религиозной ортодоксии. На этом пути пытается Воровка разрешить старинную проблему номинализма и реализма и, будучи сам математиком, усматривает в минимуме числе мост между чувственным и сверхчувственным мирами. Он верит в единый идеал человеческого Добра, «научающий нас сочетать своеобразное с общим, красоту с истиной». Его идеализм, для которого он прокладывает у нас новые пути, есть магический идеализм. Плененный астрономической красотой и гармонией мироздания, он верит в прямое влияние человеческой мысли, воли и чувства на материальной космос. Сочинение Воровки, выдающееся также и красотой своего стиля, представляет собою подлинное выражение чешского духа, через муки скепсиса достигающего своего гноэзиса.

Другой вид идеализма пытается с помощью витализма построить Р. И. Малый. Начав с литературно-эстетических работ, он занимается в своих трудах, отличающихся свежестью и отчеканенностью стиля, высшими философскими и религиозными вопросами (Ясный взор... 1920; Согласие социальных и религиозных мотивов, 1921; Мир в Боге, Ник. Мальбранш).

Новый чешский идеализм, уже получивший свое выражение в целом ряде философских индивидуальностей, наложивших на него свой отпечаток, имеет одну общую черту: борьбу с ортодоксальным, догматическим позитивизмом. Кроме Воровки и Малого к этому течению принадле-

жит также *Влад Гоппе*, который, правда, независимо от Мареша, но в согласии с ним, прекрасно вскрывает недостатки и пробелы натурализма (в своей книге «Природа и наука»). Он тонко показывает всю неправомерность перенесения натуралистического метода на полноту психической, качественной жизни. В своих последних статьях он пытается построить собственную теорию ценностей, примыкающую к Виндельбанду. Из других представителей этого направления отметим еще: *Ферд. Пеликан* (автора настоящего обзора), который вместе с *Карлом Чапеком* работает над ознакомлением чешского читателя с главными течениями современной иностранной философии («Проблема свободы у Фихте», 1917; «Возникновение и развитие контингентизма», 1915; подробное введение к переводу Бергсоновой «Творческой эволюции»; «Логика отрицания» 1923, в которой дается анализ современных учений об отрицании; ряд статей в журнале «Ruch filosofický», издаваемом им совместно с К. Воровкой); *Фому Трнка* («Проблема сознания», 1920, «Проблема бесконечности и вечности», 1922, «Философская проблема войны» 1916); *И. Л. Фишера* («Философия, ее сущность и ее проблемы», 1922), *Иосифа Кратохвила* (неотомистское направление), *Яна Козака* («Закон экономизации жизненных функций и следствия из него для логической теории» в «Nové Atheneum», 1919, т. II). Также и *Карл Чапек* (драматический писатель, пьесы которого «Из жизни насекомых» и «R. U. R.» с успехом шли на заграничных сценах) сильно тяготеет к идеализму pragматического оттенка, несмотря на свой скептицизм и релятивизм, выражаящийся у него в своеобразной мягкой иронии. Ему удается выражать самые сложные мысли американской философии в художественной изящной форме (кроме драматических произведений он написал: Прагматизм, 1918; Критика слов, 1921).

Своебразную философскую индивидуальность, одновременно пустынника и мечтателя, мы имеем в лице *Станислава Клима*, который еще 18 лет тому назад выступил с законченной системой («Мир как сознание и ничто»). Его последняя книга («Трактаты и диктаты», 1922) выделяется художественностью изложения и как бы против воли автора доказывает «реальность» языка, которым он так хорошо владеет. Система его завершается туманным мистицизмом божеского своеvolutionя. — Идеалистом чистой воды, учеником Рёскина является *Гамма*, этический фанатик в духе «моравских братьев». Проф. ботаники *Иос. Веленовский* изложил свое страстное, выполненное причудливых интуиций credo в книге «Философия природы» (I т. 1920, II т. 1922): глубокие мысли перемешаны в ней с некритическим метапсихизмом.

Тогда как Пеликан и Чапек знакомят чешского читателя с современными идеями в философии, *Франц Новотный* и *Винц. Лесный* много сделали для ознакомления чешской публики — первый с греческой философией (перевод Платона), а второй — с восточной философией (буддистские исследования).

Настоящий краткий обзор чешских философских течений далеко не

является исчерпывающим. В нем остались нерассмотренными эстетические (Гостинский, Неедлый, Грубан), социологические (Фоустка, Халупный, Бенеш, Углирж, Тврдый, Блага, Крал), психологические, логические и педагогические (Каднер) работы, большей частью разбросанные в журналах («Ruch filosofický», «Česká Mysl» 17 томов). Также не могли быть упомянуты в нем многочисленные работы по психологии литературы и философии права.

В настоящий момент Чехия бесспорно переживает сильное философское оживление. Это позволяет нам высказать надежду, что страна наша стоит накануне своей классической философской эпохи.